

**ЛЬВОВ
СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ**

кандидат социологических наук,
директор по стратегическому развитию ВЦИОМ

СЧАСТЬЕ — ПОНЯТИЕ ФИЛОСОФСКОЕ, НО ОТТОГО НЕ СТАНОВЯЩЕЕСЯ ЭФЕМЕРНЫМ

Время споров в профессиональной среде о том, является ли счастье чувством рациональным или иррациональным, нужно ли применять для его измерения объективные или субъективные индикаторы, заканчивается. Исчерпан сам предмет спора: становится очевидным, что смотреть на предмет нужно комплексно, принимая во внимание все более или менее адекватные концепции. Они отлично дополняют друг друга — нужно только приложить определенные усилия к этому.

С одной стороны, вполне технологично (по крайней мере, статистически точно) сводить замеры счастья к измерению заполненности холодильника, количеству квадратных метров жилплощади, состоянию экологии и оценке вероятности реализации жизненных целей... Что же — суперподход: в эпоху больших данных вполне реализуемая и в высокой степени валидная схема. Отсутствует в этой схеме только один важный элемент — сам человек.

Социологические измерения базируются на субъективных оценках — «саморасположении» респондента на задаваемой исследователями системе координат. Каждая из этих систем координат представляет собой либо декомпозированный набор показателей социального благополучия, либо такой же набор оценок качества жизни респондента. И то и другое фиксируется через сбор субъективных оценок традиционными опросными методами. Любая такая (де-)композиция будет иметь и сильные, и слабые стороны. Любая (де-)композиция будет интересна и соответствовать ценностным критериям одной аудитории и противоречить взглядам другой. Полная непротиворечивая формула для измерения счастья невозможна и может служить великолепной иллюстрацией к выводу из теоремы Гёделя о неполноте.

Главная претензия к российскому индексу счастья заключается в излишней редукции и укрупнении предмета исследования и соответствующей формулировке

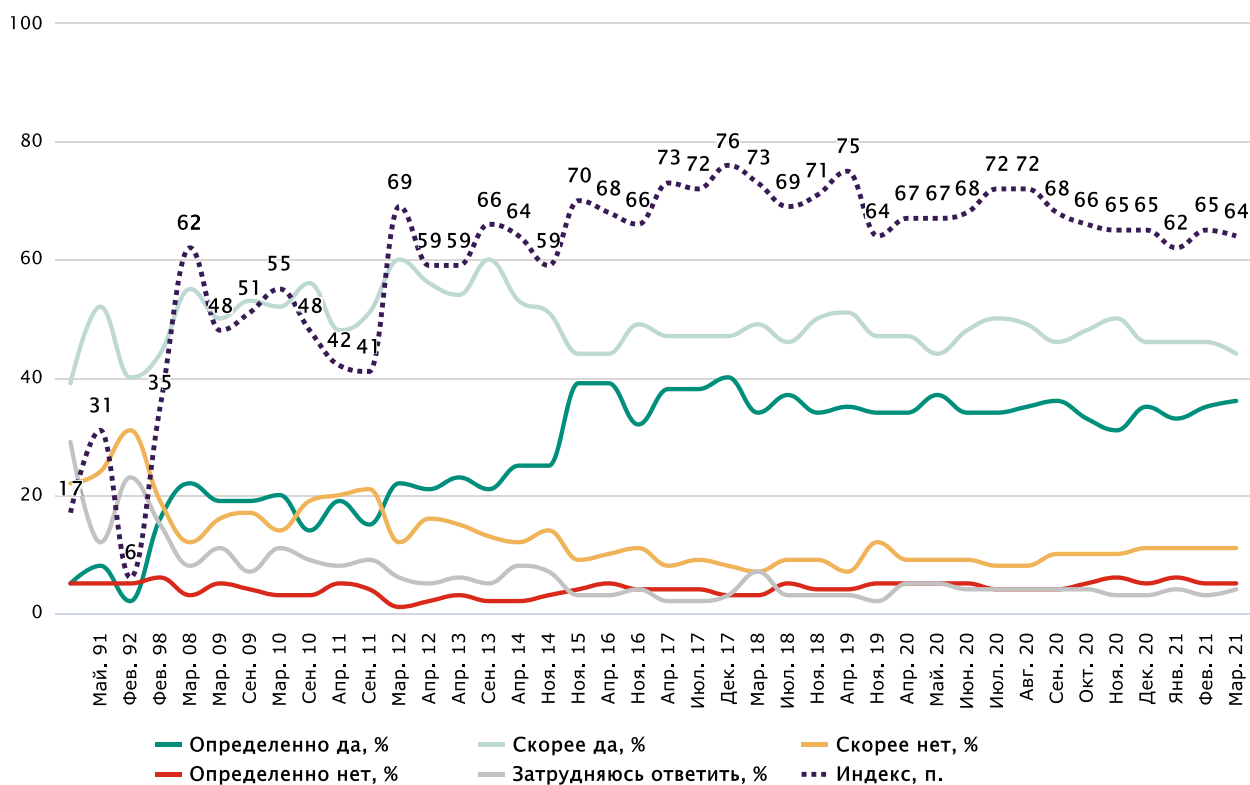
вопроса: «В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет?». Оппоненты задают вопросы:

- ⇒ почему вы не учитываете различные аспекты счастья?
- ⇒ почему доля тех, кто дает положительные ответы на вопросы о социальном самочувствии, невысока, а количество счастливых россиян — стабильно высоко?
- ⇒ как вы объясните, что в стране кризис и пандемия, а счастливых людей меньше не становится? И т. д.

Рисунок 1. Индекс счастья.

Вопрос: «В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет?»

(закрытый вопрос, один ответ, % опрошенных и индекс в пунктах)

Наш индекс — единственный недекомпозированный индекс счастья. Кто-то видит в этом слабость методики, но мы видим в ней сильные стороны и высокий эвристический потенциал.

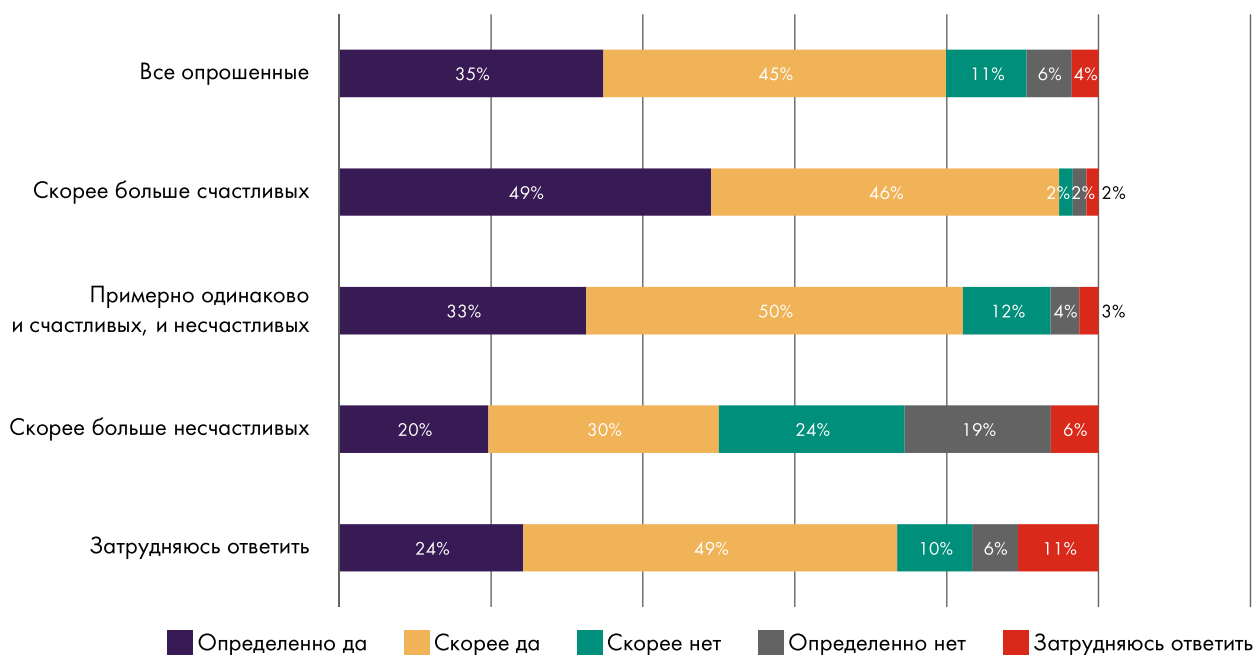
Во-первых, отсутствуют заданные критерии, по которым респонденту нужно оценивать уровень счастья или субъективного благополучия: они формируются в сознании респондента уже во время коммуникации в ходе интервью. У каждого человека эти критерии индивидуальны — ни один исследователь не способен постичь разнообразие и погрузиться в глубину их проявления и создать полноцен-

ную рабочую модель. Каждый респондент формулирует собственные критерии и отвечает на вопрос интервьюера, опираясь только на них.

Во-вторых, критерии счастья динамичны. Динамика зависит как от социальных, так и от индивидуальных факторов. Одна композиция критериев счастья может «сработать» в моменте, но провалиться в следующий раз, так как этот набор теряет к тому времени свою актуальность. Например: в первую волну пандемии оплотом уверенности в будущем (допустим, что это один из возможных факторов счастья) становится ближний круг — семья, родственники, друзья. Но уже во вторую фокус внимания и запросов разворачивается в сторону институтов, и набор критериев, соответственно, скорее всего, поменялся.

В-третьих, отвечая на вопрос о счастье, респонденты соотносят собственные оценки с наблюдениями за окружающими. Как показывает анализ результатов последней мартовской волны исследования, только 4% из числа тех, кто видит, что большинство людей вокруг счастливы, причисляют себя к числу несчастливых. При этом 44% тех, кто считает, что большинство вокруг — «несчастливцы», причисляют себя к их числу. С одной стороны, налицо эффект присоединения к окружению, с другой — мы видим и наличие значительной группы тех, кто стремится преодолеть влияние среды: половина живущих среди несчастливых вопреки своему окружению считают себя счастливыми.

Рисунок 2. Как Вам кажется, среди Ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастливых?/В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет?

В-четвертых, в основе концепции нашего индекса счастья лежит более органичная для обыденного сознания и мышления индуктивная цепочка рассуждений. Если есть хотя бы минимальный набор оснований считать себя счастливым, то респондент относит себя к этой группе. Но это не означает, что включение дедуктивной цепочки нами отвергается. Напротив, индексы субъективного благополучия и оценки качества жизни — когда респондент соотносит свою ситуацию с общими стандартами социальной жизни, дают дополнительные ракурсы для изучения счастья как комплексного феномена.

К открытым вопросам, обращенным к респондентам с целью выявить причины, по которым они причисляют себя к группе счастливых или несчастливых, я бы призвал относиться как к иллюстративным. В существующем виде они не могут выступать в качестве свидетельств тех самых «динамических факторов», о которых шла речь выше. Причины здесь очевидны: затруднения с вербализацией эмоций, парадность ответов во многих случаях, неискренность...

И отсюда вызов и возможность для нашего сообщества — создать инструмент для фиксации «плавающих» критериев. В целом это относится ко всему классу явлений, которые принято называть «философскими вопросами», включая и ценности. Важность их изучения неоспорима, в том числе и для эмпирической социологии.